

В палате.

Линь Цзюньин нахмурился. Раздражение всё никак не отпускало его. Он посмотрел на Чу Юя и сказал:

— Юй-гэ, этот парень просто бесит.

— Угу. Не злись. Лучше подумай, что будем есть сегодня вечером. — Чу Юй взял яблоко, которое до этого очистил Ван Чжуй. Оно пролежало уже довольно долго, поверхность успела окислиться и слегка пожелтеть. Один вид этого яблока навевал кислый привкус и совершенно не возбуждал аппетита.

Линь Цзюньин тихо пробормотал:

— Чего тут думать, будто у нас есть выбор.

Заметив, что Чу Юй посмотрел в его сторону, он тут же сделал вид, будто ничего не говорил.

Ван Чжуй выхватил яблоко из руки Чу Юя и выбросил в мусорное ведро.

— Уже окислилось. Я лучше почищу новое. Юй-гэ, вечером опять будешь есть кашу?

Раз уж речь зашла о еде, Линь Цзюньин посмотрел на Ван Чжужа, который снова уселся чистить яблоко, вспомнил, что Цзян Цинъюань перед уходом ещё и утащил у них грушу, и рассердился ещё сильнее.

— А Юй-гэ вообще можно что-нибудь другое? Каждый день одна каша — во рту уже преснее некуда.

Э-э...

Ван Чжуй бессильно вздохнул:

— Линь Цзюньин, ты бы выражения выбирал, ладно?

Чу Юй сперва вообще ничего такого не подумал, но после этих слов Ван Чжужа как раз подумал лишнее. Он молча отвернул голову к окну и перестал говорить.

Линь Цзюньин на реплику Ван Чжужа не ответил. Скрестив руки на груди, он прислонился к краю больничной койки, чуть опустил голову и носком обуви стал чертить круги по полу.

— Эх, как же я завидую Юй-гэ. Можно лежать в больнице и не ходить на учёбу. До начала семестра осталось всего несколько дней, а мой старик каждый день заставляет меня заниматься наперёд. Как подумаю — уже бесит.

— А здесь хорошо: ни домашних заданий, только ешь да спи. — От этой мысли Линь Цзюньин чуть не прослезился от зависти. Ему уже самому хотелось, чтобы кто-нибудь полоснул его по почке.

Чу Юй: ...

— Хочешь такое счастье себе?

Увидев, что Чу Юй спрашивает совершенно серьёзно, Линь Цзюньин поспешно отказался:

— Нет-нет-нет, ладно, забудь. Не по мне такое счастье.

Линь Цзюньин, конечно, только языком молол. Если бы его и правда уложили в больничную палату, он бы со скуки помер. А ещё Юй-гэ уже столько дней ел кашу, что скоро сам превратится в кролика!

Нет! Даже кролики питаются не так постно, как Юй-гэ!

По идее, с финансовыми возможностями их семей они могли позволить себе любую питательную больничную диету, да и кашу можно было готовить десятками способов. Но старик Чу считал, что безопаснее всего обычная белая рисовая каша с щепоткой соли, и три дня подряд Чу Юй ел именно её.

Вот она — тяжёлая от любви забота.

В принципе, можно было тайком устроить ему что-нибудь повкуснее — старик всё равно бы не узнал. Вот только Юй-гэ был послушным: сказали есть белую кашу — значит, он ел только белую кашу.

Каши варили много, поэтому первые дни они ели вместе с ним. В первый день ещё куда ни шло, а на второй Линь Цзюньин уже ни за что не соглашался.

Совсем никакого вкуса! Да хоть бы сахара к ней, солёных овощей — чего-нибудь!

Но Чу Юй не собирался менять кашу на другую еду и есть вместе с ними нормальную пищу. По словам старика Чу, первую неделю после ранения следовало терпеть и забыть о вкусах. Линь Цзюньин считал это феодальным пережитком и псевдонаукой, но вслух сказать не смел: старика он всё-таки уважал.

Пришлось заботиться о Чу Юе в другом. Линь Цзюньин хлопнул себя по груди:

— Не переживай, Юй-гэ. С сегодняшнего дня твои задания по профильным предметам беру на себя. Я точно не стану приносить их тебе — тогда тебе и писать ничего не придётся.

Он выглядел до крайности гордым собой, искренне считая, что вот уж он-то настоящий хороший брат Юй-гэ: такой внимательный, такой заботливый!

— Я уж подумал, ты собираешься делать задания за Юй-гэ. А ты всего лишь не принесёшь их. Думаешь, если не принесёшь, писать не придётся?

Ван Чжуй нарезал очищенное яблоко кусочками, разложил их на тарелке и вытер салфеткой сок с пальцев.

— Тогда мне тайком сжечь задания Юй-гэ? — Линь Цзюньин даже не стал брать зубочистку, просто схватил кусочек яблока пальцами и, жуя, рассмеялся. — Ван Две Воды, ты должен доверять преподавателям. Разве преподаватель способен на такую жестокость — заставлять раненого потом отрабатывать домашку?

— К тому же я вообще похож на человека, который делает домашние задания?

— Нет.

Тут и думать не требовалось. Но ты рискнёшь не сделать?

Если Линь Цзюньин и правда осмелится ничего не написать, отец Линь и старик Линь запросто переломают ему ноги. Ван Чжуй даже гадать не требовалось: ближайшие несколько дней Линь Цзюньин будет в бешеном темпе нагонять домашку.

Линь Цзюньин о мысленном ехидстве Ван Чжуя ничего не знал. Он чихнул и небрежно продолжил:

— Хотя Юй-гэ, наверное, и не нужно, чтобы я что-то приносил. Наверняка он всё давно сделал. И ты, Ван Две Воды, скорее всего, тоже. Эх, один я несчастный должен барахтаться в море задач, спасая собственную жизнь.

Он задрал голову и завыл:

— Мы вообще братья или нет?! История вроде о троих, а мне одному не положено...

Ван Чжуй перебил его, не дав договорить:

— Вернусь домой — скину тебе ответы. Не вой.

Линь Цзюньин тут же замолчал:

— О, отлично.

Вообще раньше заданий в университете было немного, но после наступления эпохи поступления в магистратуру университеты начали превращаться почти в старшие классы школы. Теперь мало кто мог беззаботно поступить в магистратуру — как когда-то мало кто мог без усилий поступить в университет. Поэтому к университетским заданиям все относились серьёзно. Ван Чжую надоело обсуждать домашку, и он решил сменить тему.

— Так что будем есть вечером?

Линь Цзюньину было всё равно:

— Что угодно.

Лишь бы не белая каша — всё остальное он съест с удовольствием.

— Идите домой и поешьте. Не надо сидеть со мной.

Линь Цзюньин сразу запротестовал:

— Да как мы можем бросить тебя, Юй-гэ? Братья должны вместе есть еду и вместе делить суп!

Чу Юй закатил глаза:

— То есть вы рядом будете уплетать вкусности, а я — пить белую кашу? Или ты собираешься есть белую кашу вместе со мной?

Именно так: под «составить компанию» Линь Цзюньин имел в виду, что они будут рядом есть всё самое вкусное, а Чу Юй — смотреть.

— Юй-гэ, вообще-то ты тоже мог бы составить нам компанию и поесть вкусного.

— Да катись ты, хватит мешать. — Ван Чжуй шлёпнул Линь Цзюньина по руке.

Чу Юй закрыл глаза, давая понять, что хочет побыть один и отдохнуть, и лениво произнёс:

— Не надо. Скоро время ужина. Идите домой.

Ван Чжуй вытолкал за дверь Линь Цзюньина, который ещё собирался что-то сказать.

— Тогда мы пойдём, Юй-гэ. Завтра снова придём.

— Эй, подождите. — Линь Цзюньин вдруг что-то вспомнил. Лицо его стало серьёзным. Одной рукой он схватился за дверной косяк и обернулся к Чу Юю. — Тех людей нашли?

В его глазах не осталось и следа тепла.

— Выяснили, кто их подослал?

При этих словах выражение лица Ван Чжуя тоже изменилось, улыбка больше не затрагивала глаз.

Услышав вопрос, лежавший на койке Чу Юй открыл глаза. Семьи вроде их были богаты и влиятельны. До взрослых разного рода тёмным людям добраться было трудно, поэтому они начинали присматриваться к молодым, надеясь, что юность означает слабость и ими легче помыкать. К тому же постоянно устраивались какие-то встречи и приёмы: сходишь — впустую потратишь время, не сходишь — сочтут высокомерным.

Им всё это ужасно надоело. Несколько стариков хотели, чтобы дети спокойно закончили учёбу, поступили в магистратуру, а уже потом занялись семейными делами, поэтому и договорились отправить их в этот маленький город. Кто бы мог подумать, что кое-какие типы всё равно не отстанут.

...Впрочем, на этот раз всё действительно оказалось не так сложно.

Всего лишь шайка хулиганов, позарившихся на деньги. Им ещё и не понравилось, что перед занесёнными палками Чу Юй сохранял спокойное выражение лица. Их даже провоцировать не пришлось — они сами разозлились. Пользуясь численным преимуществом, с криками бросились на него. Он был один против всех, не справился: получил несколько пинков, а потом ещё и ножом ткнули.

Взгляд Чу Юя потемнел.

— Не переживайте. Всё уже улажено.

Групповое ограбление, нападение с оружием, причинение телесных повреждений и бегство после преступления.

Пусть они и сбежали быстро, а место было глухим.

Но если совершил дурное — разве можно уйти совсем безнаказанным?

Получив ответ, Ван Чжуй и Линь Цзюньин ушли. Стоило им выйти, как палата сразу погрузилась в тишину.

Чу Юй взял записку и опустил взгляд на размашисто выведенные цифры. Почерк был точь-в-точь как поведение владельца: наглый, резкий, угловатый.

Только номер банковской карты. Ни имени, ни контактов.

В памяти всплыло тревожное лицо, которое он видел перед тем, как потерять сознание; дрожащий, торопливый голос, велевший ему держаться; тёплая ладонь, прижимавшая рану...

Лицо, смутно различимое сквозь предобморочный туман, постепенно наложилось на человека, который только что стоял в палате, и стало отчётливым.

Ощущение оказалось совсем другим.

Когда Чу Юй полностью пришёл в себя, спасший его человек уже ушёл. Дворецкий так переживал за него, что тоже забыл взять номер, поэтому они даже не успели его поблагодарить. Но через два дня человек сам вернулся, будто специально решил всех позлить, и потребовал вознаграждение. А добившись своего, вдруг передумал и попросил всего тридцать тысяч. Понять его было невозможно.

Зачем намеренно вести себя так, чтобы вызвать неприязнь?

Чу Юй аккуратно, ровно сложил записку и убрал в бумажник.

Какой же странный человек.

<http://bllate.org/book/20861/2143104>